

Глава 9. Застывшие наряды и безмолвная правда

В банкетном зале Линского поместья разворачивалось торжество, достойное земной элиты. Огромная богемская хрустальная люстра свисала с высокого расписного купола, роняя плотный, холодный свет, похожий на россыпь бриллиантов, и заливая каждый дюйм мраморного пола переливчатым сиянием. Воздух смешивал в себе благородный аромат выдержанного шампанского, благоухание дорогих духов и тот самый любезный, фальшивый смех, который водится лишь в высшем свете.

Хань Тяньюнь растерянно стояла у края зала, а её ладони слегка потели. Чувствуя себя не в своей тарелке, она нервно дёргала подол платья — глубокого синего оттенка вечернего туалета с открытыми плечами, который Старший Линь приказал доставить лично для неё. Говорили, что это была прощальная работа некоего великого мастера.

Прежде она носила в детском саду фартук и вечно пахла меловой пылью и мыльной пеной, но теперь, облачённая в это платье, она излучала захватывающую дух красоту. Уникальная, устойчивая и чистая аура, присущая «Сердцу Массива», на фоне ярко накрашенных светских львиц выглядела совершенно отрешённой от мирской суеты, напоминая дикую орхидею, распустившуюся посреди шумного мегаполиса.

— Сестрица, перестань теревить платье. Ты сейчас очень красива, не позволяй всяким ничтожествам смотреть на тебя свысока.

Цзю Сяньлин стоял рядом с ней, и в его тоне проскальзывало не по годам зрелое спокойствие. На нём был безупречно сшитый чёрный приталенный смокинг, а на лацкане красовалась подаренная лично Старшим Линем натуральная рубиновая брошь, отливавшая тёмно-красным блеском. Этот наряд делал его и без того чрезмерно утонченные черты лица ещё более резкими; он выглядел вовсе не ребёнком, а молодым господином из знатного клана, инспектирующим свои владения.

— Я... я просто не привыкла к таким местам, — пробормотала Хань Тяньюнь, и её взгляд забегал.

Она смотрела на окружающих её людей с миллиардными состояниями, которые мимоходом вершили чужие судьбы, а вспоминая, как ещё утром стояла на пороге детского сада, полуприсев на корточках, и наставляла родителей: «У Сяоцяна сегодня небольшой кашель, давайте ему больше воды», — ощущала столь резкий разрыв во времени и пространстве, что её охватывали невиданные прежде тревога и растерянность.

Цзю Сяньлин ничего не ответил, лишь привычно протянул руку и мягко сжал её прохладную ладошку.

В тот же миг Хань Тяньюнь почувствовала, как из его ладони к ней передаётся странное, едва заметное, но непоколебимо твёрдое тепло. Оно заструилось по её меридианам по всему телу, и безумно колотившееся от напряжения сердце успокоилось всего за один вдох. Она удивленно

посмотрела на мальчика, едва достававшего ей до пояса, и заметила, что его глаза были столь глубокими, будто ночное небо, способное поглотить созвездия.

Банкет приближался к кульминации, и по залу плыли звуки роскошного вальса. В этот момент массивные двустворчатые двери банкетного зала, инкрустированные золотом, распахнулись.

Вошёл мужчина в чисто-белом костюме-тройке ручной работы. На вид ему было около тридцати лет, миловидное лицо отличалось болезненной бледностью, а каждое движение исходило естественное, почти подавляющее благородство. Он не взял с собой телохранителей, а в его руке покачивался бокал с золотистым шампанским. Когда он шёл сквозь толпу, те самые кичливые финансовые магнаты, при виде него невольно втягивали головы и молча расступались, уступая ему дорогу.

Словно белый призрак, изящно и целенаправленно он приблизился к Цзю Сяньлин и Хань Тяньюнь, слегка склонив голову в поклоне с грацией средневекового аристократа.

— Люди, о которых говорил Старший Линь, действительно выдаются из ряда вон, — голос мужчины звучал низко и бархатисто, неся в себе леденящую кровь прохладу. — Су Бай, глава северного филиала организации Темный Ворон. Полагаю, у вас двоих есть то, что меня интересует.

Глаза Цзю Сяньлин чуть сузились, а на самом дне зрачков заплескались искорки фиолетового пламени. Он чувствовал, как в теле этого мужчины циркулирует крайне мрачная, скрытная и тяжёлая сила. Это были не те уличные головорезы, что умеют лишь размахивать ножами и пистолетами; перед ним стоял истинный практик, прикоснувшийся к грани законов мироздания, высший чин Темного Ворона.

— Я всего лишь воспитательница в детском саду, и кроме разноцветных кубиков, у меня вряд ли что-то есть, — бесстрастно ответил Цзю Сяньлин, глядя прямо в глаза Су Баю. В его тоне не было ни тени страха, скорее — лёгкая насмешка.

Су Бай легко усмехнулся, изящно пригубил шампанское, а затем перевёл оценивающий взгляд на Хань Тяньюнь. Он смотрел на неё уже не как на женщину, а скорее как на произведение искусства... или жертвенный сосуд.

— Госпожа Хань, я слышал, у вас выдающийся талант к улавливанию течений «ауры». То, что смертному не по зубам и служит лишь погибелью, в наших руках может стать ключом к изменению этого мира, — Су Бай опустил бокал, и его голос сделался холодным и жадным. — Назовите цену. Лишь бы это был кулон с Первородной Сущностью или... вы сами.

— Думаю, вы ошибаетесь, — Хань Тяньюнь подавила странное чувство преследования хищником, и её голос зазвучал как никогда твёрдо. — Вещи Тантан не продаются, и я не товар для сделок. Прошу вас уйти.

Су Бай вовсе не разозлился. Он невозмутимо и элегантно осушил последнюю каплю шампанского в бокале.

Стоило ему опустить пустой бокал на серебряный поднос, как весь мир изменился.

Ослепительные огни по-прежнему горели, изящный оркестр продолжал играть, а окружающие гости всё так же застыли с бокалами в руках и широкими улыбками на лицах. Однако Цзю Сяньлин и Хань Тяньюнь с ужасом обнаружили, что вокруг них, кроме Су Бая, всё погрузилось в мёртвую тишину.

Воздух будто мгновенно выкачали, а пространство превратилось в прозрачный и твёрдый янтарь. Это было удушающее ощущение насильственного «закрепления» некими высшими правилами: стоявший позади Старший Линь и вдалеке Хань Цзэ (воровавший пирожные в фуршетной зоне) замерли в едином мгновении, не в силах даже моргнуть.

Это было врождённое магическое сокровище Су Бая — «Область Молчания». Внутри неё время продолжало течь, но воля и действия смертных оказывались полностью парализованы.

Су Бай медленно шагнул к Цзю Сяньлин, давя на них колоссальной силой, подобной рухнувшему пику Тайшань. Каждый его шаг заставлял напольное покрытие глухо стонать от непосильной тяжести.

Цзю Сяньлин резко шагнул вперед, накрепко заслонив собой Хань Тяньюнь. И хотя его собственные силы были практически полностью запечатаны, воля его духа, некогда противостоявшего небесным богам и демонам и взиравшего с высоты на Землю Бессмертных Десяти Тысяч Сект, в этот миг вырвалась на свободу без остатка. Он не задействовал ни капли культивации, просто стоя на месте.

Как бы ни бушевала чужая область и ни свирепствовало давление, Цзю Сяньлин оставался непоколебим. В этот момент его спина казалась безмерно величественной, словно он был истинным владыкой этого мира.

— Ты действительно прятался здесь, — Су Бай остановился в трёх шагах от Цзю Сяньлин. В его глазах мелькнуло сильное удивление, мгновенно сменившееся безумным восторгом. — Способен выдержать мою Область Молчания — ты что за монстр такой?

— Я же говорил: я всего лишь помощник воспитателя, — на губах Цзю Сяньлин заиграла зловещая усмешка, а во взгляде таилась бездна, способная заморозить чужую душу.

Они буравили друг друга взглядами целых десять секунд. Для застывших вокруг смертных это мгновение пролетело незаметно, но между мальчиком и мужчиной развернулось бесчисленное множество столкновений духа и областей, битва чистой воли.

Су Бай внезапно громко рассмеялся и резко убрал давление. Застывший воздух мгновенно ожил, до слуха вновь донелась мелодичная музыка, а гости продолжили болтать и улыбаться, будто удушающей «паузы в мире» никогда и не было.

— Интересно, чертовски интересно, — Су Бай посмотрел на Цзю Сяньлин, а затем медленно повернулся, снова переведя взгляд на Хань Тяньюнь. На этот раз он долго разглядывал девушку, пока первоначальная жадность в его глазах постепенно не угасла, сменившись озарением, полным шока и самоиронии.

— Вот оно что... Не думал, что в той древней шахматной партии, расставленной предком, ты окажешься забытым и самым ключевым «живым глазом», — пробормотал Су Бай, словно оплакивая несправедливость судьбы.

Он развернулся, изящно взмахнув рукой, и его белая фигура быстро растворилась в тенях толпы, оставив после себя лишь леденящее душу, полное убийственного намерения предупреждение:

— Цзю Сяньлин, береги своё сокровище. Сейчас на эту шахматную партию заглядываются многие, и мы не единственные. Тот древний монстр из семьи Су уже в пути.

На обратном пути Хань Цзэ вёл старенький автомобиль, совершенно не вяжущийся с их парадными костюмами. Напевая весёлую песню под дуновением ночного ветерка, он хвастался тем, насколько нежным и сочным было вагю на банкете, совершенно не подозревая, что секунду назад в золотом великолепии иллюзий они балансировали на волосок от смерти.

Зато атмосфера на заднем сиденье была тихой, как бездонный сухой колодец — холодной и тяжёлой.

Вернувшись в тесную, но уютную квартиру, захмелевший от алкоголя и возбуждения Хань Цзэ сразу отправился умыться и спать. В гостиной остался гореть лишь жёлтый торшер, отбрасывая на стены длинные, переплетающиеся тени.

Хань Тяньюнь стояла перед зеркалом в прихожей, дрожащими пальцами распутывая дорогие украшения в волосах. Она смотрела на собственное отражение — на ту самую «воспитательницу детского сада», которая под жутковатым давлением Су Бая умудрилась сохранить рассудок и даже разглядеть струящиеся в воздухе нити мистической энергии.

— Сяньлин, — повернулась она, и её охрипший голос выдавал едва уловимый страх.

— М? — Цзю Сяньлин прислонился плечом к косяку двери, глядя в пол и рассеянно вертя в пальцах рубиновую брошь.

— Тот мужчина сказал, что я — живой глаз в шахматной партии, — Хань Тяньюнь глубоко

вздыхнула, уставившись прямо на Цзю Сяньлин. В её взгляде читалось стремление сорвать с привычной жизни фальшивую маску и докопаться до истины. — Кто я в конце концов такая? Почему кубики, к которым прикасаются мои руки, двигаются сами по себе? Почему я вижу чёрный дым чужой злобы? И ещё...

Она замолчала, а её веки слегка покраснели:

— Кто ты на самом деле? Ты ведь точно не обычный бродяжка, верно?

Она впервые не назвала его малышом и не пыталась заговорить с ним так, как обычно утешают младших братишек.

— Сяньлин, неужели ты с самого первого дня нашей встречи знал абсолютно всё? — в её дрожащем голосе слышался ужас перед крушением её привычного мирка и вместе с тем гнев на то, что «родной человек» скрывал правду, помноженный на жажду узнать ответ.

Пальцы Цзю Сяньлин, сжимавшие брошь, резко замерли.

Впервые с момента нисхождения в смертный мир он почувствовал себя столь растерянным и беспомощным. Даже перед лицом недавней области Су Бая он не моргнул и глазом.

Он поднял голову и встретился взглядом с ясными, упрямыми глазами Хань Тяньюнь, в которых плескалось осознание собственной боли. Он мог бы легко сочинить какую-нибудь высокопарную ложь или отделаться детскими шуточками, как делал это раньше.

Но глядя на неё — на эту земную женщину, которая так нежно обрабатывала его раны и жарила для него яичницу, — он окончательно умолк.

Эта тишина невыносимо давила и крепла в тесной гостиной. Он не смел вымолвить ни слова, ибо знал: стоит приоткрыть завесу predetermined истины, сотканной самим Небесным Императором-отцом, как она больше никогда не сможет так же ласково налить ему стакан молока или разбудить поутру. Он боялся, что эта самая «правда» собственными руками разрушит тот «дом», к которому он только-только привязался.

— Я... — Цзю Сяньлин приоткрыл рот, но пересохшее горло не издало ни звука, и ему оставалось лишь уныло опустить ресницы.

Однако в глазах Хань Тяньюнь это молчание выглядело самым жестоким и безжалостным признанием.

— Я всё поняла, — криво улыбнулась Хань Тяньюнь, и эта улыбка оказалась горше слёз. Она шагнула в свою комнату и тихонько прикрыла за собой дверь. Щелчок замка прозвучал мягко, но лёг словно непреодолимая пропасть, разделившая их по разные стороны бытия.

Цзю Сяньлин остался один в темноте гостиной, глядя на зажатый в кулаке рубин.

— Старик... неужели в этом и заключается цена, которую ты хотел, чтобы я постиг? — пробормотал он себе под нос, и в его голосе сквозь возраст пробивалась недетская скорбь. — Неужели взросление начинается с умения лгать и выносить тишину...

А в это время на другом конце мегаполиса Су Бай стоял на крыше самого высокого небоскрёба, позволяя буйному ветру трепать его белый костюм, и набирал по защищённому каналу таинственный номер, глядя в черноту ночного неба.

— Господин, она найдена. Эта девушка... вовсе не жертва. Она — тот самый живой глаз, ведущий в обитель богов, которого мы безуспешно искали целые десять тысяч лет.

<http://bllate.org/book/22038/2291295>